

(1) Жил в городе Верном художник, Николай Гаврилович Хлудов. (2) Судьба послала ему при редком долголетии ещё и завидную плодовитость. (3) Добрая сотня картин и этюдов до сих пор хранится в запасниках Центрального музея. (4) Картинная галерея взять их отказалась. (5) «Что за художник? — сказали искусствоведы. — (6) Ни стилия, ни цвета, ни настроения. (7) Просто бродил человек по степи, да и заносил в свой альбом всё, что ему попадалось на глаза».

(8) Однажды мне предложили написать о нём небольшую популярную статью для журнала. (9) Я ухватился за это предложение, перерыл все музейные архивы, собрал целую папку фотографий, а потом написал с великим трудом с десяток мучительно вялых страниц и бросил всё. (10) Ничего не получилось. (11) Не нашлось ни слов, ни образов.

(12) В редакции меня отругали, а статью через год написал другой, уже «настоящий» искусствовед. (13) Вот что он написал о мастерстве художника.

(14) «Едиственное влияние, которое испытал Хлудов, — это влияние верещагинского натурализма. (15) Хлудов достигал временами значительных результатов, соединяя скупую, выдержанную гамму с чётким рисунком».

(16) Вот и всё. (17) Десяток раскрашенных фотографий, этнографические документы. (18) Этим исчерпана жизнь художника.

(19) Я не хочу осуждать этого искусствоведа, он, вероятно, в чём-то прав, но прав и я, когда говорю, что он ничегошеньки не понял в Хлудове. (20) И та моя давняя статья об этом художнике не удалась мне, конечно, только потому, что я тоже пытался что-то анализировать и обобщать, а о Хлудове надо разговаривать. (21) И начинать статью о нём надо со слов «я люблю». (22) Это очень точные слова, и они сразу ставят всё на своё место.

(23) Так вот — я люблю...

(24) Я люблю Хлудова за свежесть, за радость, за полноту жизни, за красоту событий, которые он увидел и перенёс на холст.

(25) Я люблю его за солнце, которое так и бьёт на меня со всех его картин. (26) Или яснее и проще: я люблю и понимаю его так, как дети любят и понимают чудесные поздравительные открытки, блестящие переводные картинки, детские книги с яркими лакированными обложками. (27) Всё в них чудесно, всё горит: и солнце над морем, и наливные яблочки на серебряном блюде, и тёмные леса, и голубейшее небо, и луга нежно-лягушачьего цвета, и роскошные лилии в синем, как небо, пруду.

(28) Хлудов не боялся рисовать такими яркими красками. (29) Именно красками, а не тонами — тонов у него нет, как и нет у него иных настроений, кроме радости и любования жизнью. (30) Он заставлял луга пестреть цветами, коней подыматься на дыбы, мужчин гордо подбочениваться, красавиц распускать волосы. (31) Он не признавал ненастье и серое небо. (32) Всё, что он видел, он видел либо при свете солнца, либо при полной луне. (33) Но тут ему уже не было соперников. (34) Ведь он рисовал не только степи и горы, но и ту степень изумления и восторга, которые ощущает каждый, кто первый раз попадает в этот необычайный мир. (35) И именно поэтому каждое его полотно ликует и смеётся от радости. (36) Он жил только настоящим, интересовался только сегодняшним, проходящим, живым.

(По Ю. О. Домбровскому) *

* *Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) — русский советский поэт, прозаик, литературный критик. Вершиной творчества писателя стал роман «Факультет ненужных вещей», который он создавал более 10 лет.*

Из предложений 14—18 выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: «В прилагательных, образованных с помощью суффиксов -ОНН-, -ЕНН-, пишется НН».